

четвёртым - ТМ: морфо-семантическим, который выделился только в ходе мотивационно-сопоставительного анализа неродственных языков.

Морфо-семантический ТМ представляет собой разновидность относительного ТМ и занимает промежуточное положение между морфологическим и семантическим типами. Во французском языке он представлен достаточно широко, особенно в фитонимической лексике (16%): oeil-de-vache, dent-de-lion, bouillon-blanc, в орнитологической лексике petit-duc. От семантического этот тип отличается выраженностью классификационного признака, который представлен мотивационной моделью "сущ.+определение", а от морфологического – средством выражения: сегменты этих единиц представляют собой лексико-семантические варианты слов с определением. Особенности их орфографии (написание через дефис) позволяют рассматривать эти ЛЕ не как словосочетания, а как цельноформленные наименования с одной внутренней формой. В русском языке примером ЛЕ с морфо-семантическим ТМ могут служить следующие наименования растений: лисохвост, живокость, девясил, мать-и-мачеха.

Таким образом, наличие четырёх ТМ также является общей чертой русского и французского языков. Такие явления, свойственные группе языков и относительно часто встречающиеся в языках различных типов, иногда называются фреквенталиями [Серебренников 1974: 53] и также как и универсалии выявляются в ходе типологического исследования. Количественные расхождения по ТМ показывают доминантные и рецессивные черты лексических систем русского и французского языков. Представленный мотивационно-сопоставительный анализ определил морфологический ТМ как доминантный признак русского языка и рецессивное явление французского, а морфо-семантический – как рецессивный признак русского языка и доминантный французского.

Причины распространённости того или иного типа мотивированности в лексике конкретного языка кроются прежде всего в особенностях его исторического развития, т.е. в исторически сложившихся особенностях членения континиума окружающего мира в процессе лингво-креативного мышления.

Что касается количественного соотношения мотивированных и немотивированных единиц, то их равновесие в разных языках объясняется, вероятно, тем, что стремление носителей языка осознать и объяснить значение слова, исходя из знания родного языка и окружающей действительности, не зависит от национальных особенностей, и мотивированность слова является не только семантической универсалией, но и универсалией мышления, имеющего наднациональный характер.

ЛИТЕРАТУРА

Беркетова З.В. Непрерывность семантического пространства в лексике современного немецкого языка. – Барнаул, 1996.

Блинова О.И. Сопоставительная мотивология // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Часть 1. – Томск: Изд-во Томского университета, 1994. – С. 17-24.

Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: Просвещение, 1989.

Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. – М., 1974.

Супрун А.Е. Принципы сопоставительного изучения лексики // Методы сопоставительного изучения языков. – М., 1988.

Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – Вып. 5. – М. – 1970.

Юсупов У.К. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина // Методы сопоставительного изучения языков. – М., 1988.

Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М., 1981.

А.И.Кузнецова

(Московский госуниверситет)

ТИПОЛОГИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Многие языки обладают сходством не только в силу общности происхождения или в результате языковых контактов,

но и в силу того, что в основе языковых структур лежат одни и те же общие принципы, на что указывал Р.О.Якобсон в 1958 г. в докладе на VIII Международном конгрессе лингвистов в Осло [Якобсон 1963: 95]. Возможность переключения с одного языкового кода на другой связана с изоморфностью языков. Именно поэтому и можно проводить типологическое сравнение языков, причем на всех уровнях — фонетическом, грамматическом и лексическом. В области лексики изоморфизм (от греч. ἴσος “равный” + μορφή “форма”) становится очевиден при выявлении внутренней формы слов в языках как родственных, относящихся к одной языковой семье, например, к уральской, так и неродственных. О внутренней форме слова одним из первых заговорил А.А.Потебня.

Исходя из гумбольдтовских идей о внутренней форме языка, А.А.Потебня в книге “Мысль и язык” (1862) сузил гумбольдтовское понятие до более частного и более определенного понятия внутренней формы слова, под которой он понимал признак, легший в основу смысла слова. Это как бы “ближайшее этимологическое значение” слова, которое может выводиться из его морфологической структуры, но может и не быть связанным с морфемным членением слова в современном языке, хотя у носителей языка ассоциативные связи еще как-то сохраняются. По словам А.А.Потебни, “Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке может быть много слов для обозначения одного и того же предмета и, наоборот, одно слово, совершенно согласно с требованиями языка, может обозначать предметы разнородные” [Потебня 1926: 77-78]¹. Внутренняя форма слова неодинаково

¹ Однако, говоря о том, что слова типа *облако* или *стол* всеми понимаются как нечто “покрывающее” (из об-волакивающее) или “посланное”, что и является внутренней формой слова, А.А.Потебня ошибается: вряд ли современный носитель русского языка (не лингвист) именно так представляет себе первоначальный признак, мотивирующий значения слов *облако* и *стол*.

ощущается в словах исконных и заимствованных; в словах, подвергшихся историческим морфологическим процессам (переразложению, опрошению, редеривации) или не испытывавших изменений в морфемной структуре слова; в словах, где произошли (или не произошли) изменения в их фонетическом составе и в системе их значений, и т.д. Иначе говоря, понятие “внутренняя форма слова” условно. Оно может быть различно интерпретировано с точки зрения этимологической, исторической и синхронной. Для разных исторических периодов можно обнаружить разные внутренние формы у одного и того же слова, то есть внутренняя форма слова в сознании носителя языка изменчива и не всегда ясна. Это легко продемонстрировать на следующих примерах из конкретных самодийских и финно-угорских языков. Так, в селькупских словах северного (тазовского) диалекта с современной точки зрения мы едва ли сумеем опознать внутреннюю форму слов *ĩssajy* “искра”, *pĩl'sajy* “градинка”, *Ĵtop* “губа”, *apsõl'sy* “пищеvod” в связи с происшедшими в них фонетическими, морфемными и семантическими изменениями: *ĩssajy* происходит из *ĩt+sajy* (букв. “огня глаз”), причем второй компонент, как и в слове *pĩl'sajy* (букв. “каменный глаз”), подвергся десемантизации и превратился в суффикс со значением единичности, служащий для оформления названий предметов округлой формы (в отличие от сингулятивного суффикса *qu*, означающего единичность предметов удлинённой формы и происходящего от сущ. *qu* “стебель”). Сущ. *Ĵtop* < *Ĵk+topy* (рот+нога, основание ч.-л.) испытало опрошение, превратившись из сложного слова в слово с одним корнем. Наконец, последнее из приведенных существительных имеет из-за фонетико-морфологических изменений несколько трактовок: “котел для пищи”, “пища падает”, “пищевое горло” [Очерки 1980: 48]. Примеры могут быть умножены и приведены практически из любого уральского языка.

Встречаются слова и с прозрачной внутренней формой слов, но они, как правило, относятся либо к составным словам типа к.-перм. *вõв-мõс* “скотина” (лошадь+корова), *æр-пуня* “сельскохозяйственный инвентарь” (соха+борона), удм. *мус-лẽпко* “внутренности животного” (печень+легкое), мар. *кид-йол*

“конечности” (рука+нога), *күмыж-совла* “посуда” (блюдо+ложка) и т.п., либо к сочетаниям слов типа к.-зыр. *пель гоч* “ушной хрящ”, *ныр гоч* “носовой хрящ” и др. Ср. хант. *почта туты хоят* “почтальон” (почта+нести+мужчина). Но уже такие примеры, как к.-зыр. *син-лыс* “ресницы” (глаз+хвоя), манс. *самтун* “ресницы” (глаз+шерсть) или сельк. *тункэсы* “кольцо” (палец+железо), нен. *пуда’ еся* “кольцо” (рука+железо) и хант. *вэу лоу* “кольцо” (металл+круг) могут быть поняты не однозначно: в двух первых примерах и как ресницы, и как брови, а в последующих — как кольцо, браслет и многое другое.

Об алломорфно-изоморфных отношениях в области семантики в рамках как родственных, так и неродственных языков можно судить по анализу внутренней формы наименований фитонимов (от греч. *φυτόν* “растение”) в уральских языках, сопоставляя её с внутренней формой названий растений в индоевропейских языках. При таком типологическом сравнении прежде всего возникает вопрос, присущи ли сами признаки, типичные для названий фитонимов в различных языках, языкам только одной семьи, или эти признаки могут быть характерны и для языков разных языковых семей. С другой стороны, интересно выяснить, будут ли всегда совпадать по своей внутренней форме наименования одних и тех же растений, зафиксированные в разных языках одной языковой семьи. На эти вопросы можно попытаться ответить, проанализировав названия травянистых растений (цветов, водорослей, трав, сорняков...) в уральских языках, используя некоторые параллели из индоевропейских языков. Следует сразу оговорить, что для младописьменных уральских языков недостаточно сведений на этот счет по двум причинам: 1) обычно сами носители языка плохо знают названия растений, как, впрочем, и лингвисты, записывающие эти наименования; 2) у ряда финно-угорских и самодийских народов слабо развита лексикография, особенно по диалектам, в связи с чем в словарях недостаточно отражены названия фитонимов, хотя обычно именно в диалектах сохранилось больше всего народных названий трав и цветов.

Анализ внутренней формы слова (часто затуманенной) в группе наименований фитонимов уральской и индоевропейской языковых семей позволил выделить более 20 одинаковых

признаков, распределение которых по растениям, однако, различно, то есть на один и тот же признак, лежащий в основе названия какого-либо растения, в разных языках может быть разное количество номинаций растений. Особенно часто в качестве внутренней формы названия травянистого растения выступают слова следующих групп лексики: названия фауны (преимущественно животных и птиц) и частей и органов тела; слова со значением цвета и окраски фитонима, названия мест произрастания растения (в поле, на лугу, на дороге, в водоемах, в лесу, под снегом, на песке и т.п.); слова, означающие форму цветка, его вкус, запах, способ распространения семян; существительные, характеризующие стебель растения и время цветения. Поскольку многие названия растений представляют собой парные или сложные слова или словосочетания, признаки в основе каждого слова, входящего в состав наименования цветка, могут быть разные. Следующие примеры иллюстрируют часть перечисленных признаков: мар. *коракишнча* “паслен” (ворон+глаз), мокш. *луга-тишке* “клевер” (“луг+травя”), удм. *кузял турын* “полынь, горькуша” (горький + трава), мокш. *юронь була* “хвощ” (белки+хвост), мар. *тошкемшудо* “спорыш” (задворки+травя), хант. *ламгит’ мууналэл* “водяная лилия” (цветок + озерный), удм. *бусйр сяська* “анютины глазки” (темно-фиолетовый+цветок), удм. *чуж сяська* “ромашка (лекарственная)” (желтый+цветок), мар. *мерактыльши* “кислица” (заяц+ухо) и др. Наоборот, редко признаками названия травянистых растений служат наименования национальностей (как, напр., в русском языке *татарник*), имена родства (ср. *мать-и-мачеха*), названия овощей и пищи: мар. *вудкияр* “белокрыльник”, (вода, сок+огурец); мар. *мерайковышта* “молодило” (заяц+капуста); ср. русск. *медуница* от “мёд”. Используются названия мифических существ: мар. *ивондо* “чертополох” (черт+стебель, хотя удм. *кый боды* “чертополох” это “змея+батог, палка”), *ияшудо* “плаун булавовидный, телорез” (дьявол+травя). Не часто встречаются названия растений, в состав которых входят числительные: мар. *тестевуй* “пижма” (10+голова); ср. русск. *тысячелистник, столетник*. В единичных случаях в наименованиях фитонимов используются слова со значением одежды и обуви; как правило, это наблюдается в

названиях типа русск. словосочетания *Венерин башмачок*, эрз. *чейер'ен' гар'кс* "вьюн" (мышь + пояс), но могут быть и сложные слова типа мар. *коракйолаш* "колокольчик" (ворона+штаны). Иногда в наименованиях фитонимов попадает имя собственное: к.-зыр. *Анна син* — точная калька с русск. *Анютины глазки*. Ср. русск. *Иван-да-Марья*, *Иван-чай*. В народной медицине немало названий трав по названиям болезней, от которых растение излечивает: мокш. *сезял корень* "пихма" (глист+корень), ср. русск. *грыжник*, которому в мар. соответствует *шовышудо*, но с иной внутренней формой (мыло+трава).

Рассмотрение наименований отдельных цветов (которые удалось найти по словарям и отдельным, единичным статьям [Гребнева 1988, Цыганкин 1983]) во всех языках уральской семьи и сравнение этих названий по внутренней форме слова с наименованиями растений в индоевропейских языках позволяет уловить точки пересечений и расхождений признаков в генетически разных языках, с одной стороны, и в родственных языках, с другой. Ср. следующие названия:

Ромашка: мар. *ошвуйшудо* (белая+голова+трава) и *полдышвуйшудо* (пуговица + голова+трава), мокш. *ашо пря цеця* (белая+голова+трава), эрз. *ашо цеця* (белый цветок), к.-зыр. *катша син* (сорока+глаз), удм. *т'одды сяська* (белый цветок). Ср. русск. *ромашка* < лат. *gōmāna* "римский", укр. *ромашка*, бел. *рамон*, словен. *hartanček*, польск. *rutianek*, чеш. *heřtánek*, англ. *satomile*.

Подснежник: удм. *кечсин* (коза+глаз), Ср. англ. *snowdrop* (снег+капля), франц. *perce-neige* (пробивать+снег), словен. *zvonček*, чеш. *sněženka*.

Подорожник: удм. *шырбыж* (мышь+хвост), по диалектам также "хвоц"; мокш. *киланген' лона* (придорожный лист), эрз. *туво нар* (свинья+трава). Ср. русск. диал. *тропинник*, *припутник*, бел. *трыпутник*, словен. *trpotes*, польск. *babka*.

Одуванчик: мар. *ш'оршудо* (молоко+трава) или *мамык-шудо* (пух+трава), к.-зыр. *й'ола турун* (молочная трава) или *вижьюр* (желтая голова), удм. *пуныжилы* (собака+цепь), эрз. *тюжа цеця* (желтый цветок). Ср. франц. *dent-de-lion* (зуб+льва), англ. *dandelion* (тж), польск. *mniszek* (dmuchawiec).

Колокольчик: удм. *гырлы сяська* (колокол+цветок) и *куска пурты* (ворона + котел), к.-зыр. *пон жыннан* (собака+ботало), мар. *коракйолаш* (ворона+штаны), эрз. *овтонь баяга* (медведя колокол), фин. *kello kukka* (колокол цветок). Ср. укр. *дзвоник*, бел. *званочак*, словен. *zvonček* (так же "подснежник"), польск. *dzwonek*, чеш. *zvonek*, англ. *harebell* (заяц+колокол) и *bluebell* (голубой колокол).

Василек: мар. *торгавуй* (вуй "голова", первый компонент десемантизирован), удм. *лыз сяська* и *лыз йыр* (синий цветок и синий+голова), мокш. *рожь панчф* (рожь+цветок), эрз. *сэнь цеця* (синий цветок), фин. *ruis kukka* (рожь+цветок). Ср. англ. *basilisk*, укр. *волошка*, бел. *валошка*.

Подсолнечник: мар. *кечшудо* (<кече+шудо=солнце+трава), удм. *шундыберган* (солнце+вращение), эрз. *чиньжарамо* (солнечный+жарить). Ср.: франц. *tournesoi, soleil*, бел. *сланечник*, словен. *slněčnica*, польск. *slonecznik*.

Внимательное прочтение с точки зрения внутренней формы приведенных образцов фитонимов показывает, что при сходстве самих признаков, лежащих в основе наименований растений у представителей разных народов, распределение данных признаков по названиям самих цветов и трав в одних случаях имеет большую близость или полностью совпадает, как, напр., в названиях василька, колокольчика и подсолнечника, в других случаях часто далеко расходится, подобно названиям ромашки в большинстве финно-угорских и славянских языков. Но все-таки в пределах одной языковой семьи, хотя и встречаются существенные расхождения, совпадений обычно бывает значительно больше (см. наименования подорожника). Видимо, именно в этих совпадениях внутренней формы в пределах языков одной языковой семьи и проявляется то, что В.Гумбольдт называл "духом народа".

ЛИТЕРАТУРА

Гребнева А.М. Семантические типы мордовских фитонимов, образованных в результате прямого осмысления признаков // Актуальные вопросы мордовского языкознания. — Саранск, 1988, с.101-105.

Мосин М.В. Словообразовательный анализ ботанической терминологии эрзянского языка // Вопросы языкознания. Вып.2, ч.1. — Саранск, 1975. С.44-47.

Очерки — Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. — М., 1980.

Потебня А.А. Мысль и язык // Полн. собр. соч., т.I. Гос. изд-во Украины, 1926.

Цыганкин — Лексикология современных мордовских языков. Под ред Д.В. Цыганкина. — Саранск, 1983.

Якобсон Р.О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике, вып. III. — М., 1963, с.95-105.

Н.Г. Кузнецова
(Томск)

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ САМОДИЙСКОЙ ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ

Сегодня число работ, в которых в том или ином контексте затрагиваются вопросы развития самодийской временной системы, можно оценить как значительное. Однако нельзя не заметить, что среди этих работ с большей или меньшей степенью условности доминируют два типа. С одной стороны, есть публикации, в которых фрагментарные сведения по самодийским языкам используются как дополнение финно-угорских данных при построении общеуральских гипотез. С другой стороны, могут быть выделены работы, в которых данные самодийских языков, полученные в ходе их детального изучения, рассматриваются в рамках заданных уральским контекстом схем. Первая группа публикаций, естественно, является более ранней по времени своего написания. Она относится к тому периоду, когда уралоистика не располагала достаточным объемом сведений по самодийским языкам. Во вторую группу публикаций входят современные исследования самодийских форм темпоральной ориентации действия.

На этом фоне несколько особняком стоит работа эстонского лингвиста проф. А. Кюннапа "Kamassische Flexionssuffixe. Verbalflexion und Verbalnomina", изданная в Финляндии в 1978 г. Она посвящена глаголу в камасинском языке, но строится с привлечением всех известных в то время ее автору самодийских материалов и работ по языкам группы. Все эти публикации были подвергнуты в ходе написания монографии самому тщательному анализу. Его результаты и позволили автору работы построить достаточно непротиворечивую общесамодийскую модель глагольной системы методом внутренней (по отношению к языковой группе) реконструкции. От этой модели в последующем и определялись основные линии развития глагольной системы в каждом из современных самодийских языков, но прежде всего в камасинском. Изданная 20 лет назад, монография проф. А. Кюннапа и сегодня не потеряла своей актуальности. Но за эти двадцать лет благодаря усилиям ученых-самоедологов в лингвистический обиход было введено много данных по морфологии глагола в ненецком, энецком, нганасанском и селькупском языках. Они позволили существенно расширить, дополнить, углубить и усовершенствовать целый ряд принятых ранее в исторической самоедологии трактовок и решений.

Итогом названной работы проф. А. Кюннапа в области самодийских темпоральных форм явилась их относительная хронологизация. Были выделены две группы форм. В первую вошли времена более древнего происхождения, морфологические признаки которых не имеют на синхронном срезе формальных соответствий среди показателей современных причастий, деепричастий, имен действия и т.д. Для времен этой группы не исключалось общесамодийское и даже допускалось с некоторыми оговорками уральское происхождение. Во вторую группу вошли времена, возникшие позднее, показатели которых обнаруживают формальные соответствия среди аффиксов причастий, деепричастий, имен действия как в одном, так и сразу в нескольких языках группы. Источником таких времен признавались суффиксальные отглагольные образования прасамодийского,